

Бруно Карвальо

Все кажется возможным (1850-е–1880-е годы)*

ПАРИЖ + НЬЮ-ЙОРК, БАРСЕЛОНА, ЛОНДОН,
БЕРЛИН, ВЕНА, БОСТОН И ТАК ДАЛЕЕ¹

DOI: 10.53953/08696365_2026_200_4_338

Bruno Carvalho

Everything Seems Possible (1850s–1880s)
PARIS + NEW YORK, BARCELONA, LONDON,
BERLIN, VIENNA, BOSTON, AND MORE

Бруно Карвальо

Гарвардский университет, профессор
ilbcarvalh@fas.harvard.edu.

Bruno Carvalho

Harvard University, professor
ilbcarvalh@fas.harvard.edu.

I. Спектакль прогресса и виды недовольства

Революционный пыл 1848 года оказался менее значим для урбанизации, чем сталь и пар. В результате политических потрясений государства стали более активно вкладывать средства в инфраструктуру. В нескольких европейских городах были проведены реформы, направленные на улучшение общественного здравоохранения и экономических условий². Однако даже на фоне повсеместных преобразований никто не мог предвидеть, в какой степени технический прогресс изменит облик планеты. Пароходы и железные дороги сделали возможной ранее не виданную миграцию. В течение нескольких десятилетий десятки миллионов людей переселились из Европы на американский континент, а также из сельских в городские районы. Кабельный телеграф произвел революцию в работе транспортных сетей, функционировании финансовых рынков, ведении военных действий и действии средств массовой информации. Сообщения, доставка которых раньше занимала дни или даже месяцы, теперь доходили за считанные минуты. Резко возросла скорость развития в сфере мобильности, строительства и средств связи. Эти достижения раздвинули границы того, что можно было построить и помыслить. В середине XIX века египетские пирамиды и башни соборов по-прежнему соревновались за звание самых высоких сооружений, построенных руками человека. К 1889 году металлическая Эйфелева башня почти вдвое превосходила их по высоте. С ее вершины изобретатели проводили эксперименты в области беспроводной телеграфной связи.

* © 2026 Princeton University Press.

1 Из книги: *Carvalho B. The Invention of the Future: A History of Cities in the Modern World*. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2026. P. 106–158.

2 *Clark C. Revolutionary Spring: Europe Aflame and the Fight for a New World, 1848–1849*. New York: Crown, 2023. P. 729.

С ускорением темпа перемен в крупных городах перспектива безграничного будущего впервые стала столь ясной.

Для растущего числа горожан прошлое больше не служило критерием возможного. В то же время во все более взаимосвязанном мире амбициозные реформы в имперском Париже задавали стандарты для будущего городов. Французские градостроители больше не хотели, чтобы города развивались «без перспективы будущего» и «случайным образом»³. По их мнению, городское проектирование должно было основываться на новейших «прорывах» как науки, так и искусства⁴. Они предполагали, что население города вырастет до многих миллионов жителей, и стремились перестроить его в узел бурно развивающихся транспортных и коммуникационных систем⁵. Модернизированная французская столица задумывалась еще и как окончательный вариант города. Изобретение этого города заново следует понимать и как реакцию на происходящие изменения, и как проекцию европоцентрических представлений того времени. Ведь что могло бы, в конце концов, превзойти поезда или телеграф? В этом подразумеваемом будущем цивилизованный мир должен был стать более похожим на Париж, а сам город оставался бы концентрированным символом прогресса. Париж стал образцом для подражания.

По берегам Атлантики и за ее пределами градостроители и политики брали пример с Жоржа-Эжена Османа (1809–1891), деспотичного администратора, стоящего за парижскими реформами. В тот период появились и другие выдающиеся градостроители. Мы остановимся на двух из них, применявших менее авторитарные подходы: Ильдефонсе Серда (1815–1876) в Барселоне и Фредерике Ло Олмстеде (1822–1903) в Соединенных Штатах. Все трое оставили неизгладимый след в городской среде. Парадоксальным образом это зависело в равной степени как от их визионерских способностей, так и от их слепых птен. Попытки разработать далеко идущие проекты требовали определенной степени неосведомленности о том, что ждет впереди. Социальные и политические условия способствовали развитию планирования, но, как правило, эти люди переоценивали свои способности предсказывать будущее. Они недооценивали, насколько города изменятся в течение пары поколений, и пытались строить планы для потомства. Незнание будущего придавало им уверенности, позволявшей разрабатывать масштабные проекты на долгосрочную перспективу.

<...>

Железные дороги перекроили городские территории и преобразили их связи с прилегающими районами. Совсем скоро в Нью-Йорке стало можно купить клубнику, выращенную в Калифорнии, даже в середине зимы. Основные издания, такие как «Putnam's Monthly», исключали из своих оптимистичных

3 Во Франции Политехническая школа, основанная в 1794 году, способствовала развитию культуры вычисления и инженерной разработки вариантов будущего, в отличие от традиционного для изящных искусств увлечения прошлым. Цитаты даны по: *Alphand A. Les Promenades de Paris: Histoire, Description des Embellissements <...>.* Vol. I. Paris: J. Rothschild, 1867. P. lix.

4 Ibid. P. 59.

5 *Mumford E. Designing the Modern City: Urbanism since 1850.* New Haven: Yale University Press, 2018. P. 26.

рассказов <о железных дорогах> насилие, совершаемое в отношении коренных сообществ⁶. Логика эффективной производительности действовала как шоры. Компартиментализация происходила на всех уровнях. Она пронизывала как планирование инфраструктуры, так и повседневный опыт городских жителей. В своей истории железных дорог в Балтиморе Дэвид Шлей утверждает, что «возникновение частной корпорации как экономического агента и пространственная конфигурация промышленного мегаполиса были структурно взаимосвязаны»⁷.

Распределение инфраструктуры, зданий и людей ставило прибыль на первое место. Оно также предлагало зрелище. Некоторые коренные американцы называли поезда «великой стальной лошастью»⁸. Другой материал воплощал блестящую и манящую грань компартиментализации времени и пространства: стекло. Новые методы массового производства прочного и гладкого стекла создавали бесчисленное множество способов его применения, в том числе в железнодорожных ангарах и окнах.

<...>

Тот же номер журнала «Putnam's Monthly» открывался статьей о Всемирной выставке в нью-йоркском Хрустальном дворце. Вдохновленный лондонским Хрустальным дворцом 1851 года, он был построен из железа и стекла, чтобы продемонстрировать «вершины искусства, промышленности и изобретательства»⁹. Именно здесь, при всеобщем восторге, Элиша Отис представил технологию лифтов. Наряду с применением чугуна в строительстве, который помог проложить путь для стальных каркасов, они сделали возможным появление небоскребов. В этом пространстве, как объявили журналисты «Путнэма», посетители могли увидеть «рассвет мысли, которая однажды озарит всю страну». Сначала освещенные газом залы ошарашивали «искрами и радугами». А затем «глаза привыкали, и тут и там открывался порядок». Несколькими месяцами ранее журнал описал первый Хрустальный дворец как «преддверие утренней зари» (*exhalation of the dawn*)¹⁰. Будто солнце впервые воссияло в Лондоне. Нью-йоркский Хрустальный дворец стал лишь одним из множества построенных для выставок в Корке (1852), Дублине (1853), Мюнхене (1854), Париже (1855), а позже — в таких городах, как Торонто, Амстердам, Монреаль, Мадрид, Порту, Сидней, Куритиба и Петрополис. Эти здания и проводившиеся в них мероприятия служили спектаклем прогресса.

Всемирная выставка 1851 года в лондонском Хрустальном дворце задала тон. Подобные мероприятия проводились с 1790-х годов, чаще всего в Пари-

-
- 6 Karuka M. *Empire's Tracks: Indigenous Nations, Chinese Workers, and the Transcontinental Railroad*. Berkeley: University of California Press, 2019. P. 45, 75, 132 et passim. Уже в XVIII веке Иеремия Бентам хотел, чтобы в Паноптиконе использовалось стекло.
 - 7 Schley D. *Steam City: Railroads, Urban Space, and Corporate Capitalism in Nineteenth-Century Baltimore*. Chicago: University of Chicago Press, 2020. P. 6.
 - 8 Приписывается А-нен-да-де-ни (Даниелу ла Францу): *The Life Stories of Undistinguished Americans as Told by Themselves* / Ed. by H. Holt. New York: J. Pott & Co., 1906. P. 207–208.
 - 9 The Great Exhibition and Its Visitors // Putnam's Monthly. 1853. Vol. 2. № 12. P. 582. Владельцы журнала были финансово заинтересованы высоко отзываться о выставке. Они также опубликовали ее каталог. Здание находилось в современном Брайант парке.
 - 10 Our Crystal Palace // Putnam's Monthly. 1853. Vol. 2. № 8. P. 121.

же. Однако эта выставка стала переломным моментом благодаря своим масштабам, архитектуре и международному значению. «Хрустальный дворец» был примерно в три раза просторнее, чем величественный собор Святого Павла. Десять миль выставочных галерей посетило более 6 миллионов человек, что соответствовало примерно трети населения Англии. Журнал «Putnam's Monthly» печатал типичные отзывы: здание, спроектированное Джозефом Пакстоном, было «первым оригинальным архитектурным сооружением нового времени»¹¹. Их авторы ставили в заслугу архитектору то, что он не обращался к прошлому в поисках вдохновения. В Хрустальном дворце не было несущих стен, которые сдерживали бы проектировщиков. Железные опоры поддерживали стеклянную конструкцию. Здание воспринималось одновременно как прочное и эфемерное: один материал символизировал постоянство, другой — изменчивость.

Сам жизненный путь Джозефа Пакстона олицетворял ощущение городских возможностей. Выросший в сельской местности, он добился успеха в обществе благодаря проектам садов. Благодаря неожиданному триумфу Хрустального дворца Пакстон получил рыцарский титул от королевы Виктории. В конце концов, он стал либеральным депутатом парламента, накопив состояние благодаря инвестициям в железные дороги. В 1850 году Пакстон воспользовался возможностью для инноваций. Проектирование значительных зданий поручалось более опытным и высокопоставленным архитекторам, но Хрустальный дворец должен был стать временным сооружением. В его конструкции было применено беспрецедентное сочетание экспериментальных архитектурных форм, передовых материалов и модульных техник. Поскольку он находился в Гайд-парке, Пакстону пришлось избегать вырубки взрослых вязов. В его проекте деревья были включены в трансепт с бочкообразным сводом. Это также символизировало природу, находящуюся под контролем, что соответствовало нарративам промышленного прогресса. В качестве напоминания, что не все были готовы ему подчиниться, в помещении завелись надоедливые воробы.

Экспозиции десятков стран представляли будущее, в котором все казалось возможным, но в рамках четких этнических и геополитических иерархий. Страны урбанизирующейся Северной Атлантики демонстрировали зрелищные изобретения: высокоточные геодезические приборы, револьверы Кольта, изделия из вулканизированной резины, паровые двигатели, микроскопы, телескопы, гидравлические прессы, барометр, рекламируемый как «предсказатель штормов», а также предшественников фотографии, калькуляторы, факсы и велосипеды. Между тем Глобальный Юг представлял сырьевые ресурсы и традиционные товары: меха, плетенные вручную корзины, изделия из шелка, керамику, слоновую кость, драгоценные камни, руды¹².

В Соединенных Штатах авторы «Путнэма» не беспокоились о вторичности, но признавали существование конкуренции. Создать нечто сопоставимое с лондонским Хрустальным дворцом в Нью-Йорке, как утверждал журнал, ста-

11 Другие также предлагали комбинацию стали и стекла в качестве будущего архитектуры (см.: *Jobard J.B. L'architecture de l'avenir // Revue Générale de l'Architecture et des Travaux Publics. 1849. Vol. 26. № 2. P. 27*).

12 *Official Descriptive and Illustrated Catalogue of the Great Exhibition of the Works of Industry of All Nations, 1851. London: Spicer Brothers, 1851.*

ло вопросом «чести и гордости» для «всего <национального> сообщества»¹³. Они излучали уверенность в успехе своей страны. Даже это достижение монументальной архитектуры не смогло бы в полной мере передать «то, чего достигли американская промышленность и американская энергия». Статья добавляла некоторые местные штрихи, но прогресс США восхваляла в рамках европоцентрических стандартов, выделяя электрический телеграф, пароходы, железные дороги, канал Эри, дикие земли, «освоенные» для сельского хозяйства, образованных детей, разбогатевших мигрантов и взаимосвязанные города, «возникающие повсюду». Ни слова о рабстве. Подразумевается гонка между нациями, в которой всемирные выставки и архитектура служат надлежащими критериями для оценки «места, которое каждая <...> занимает в ряду прогресса». Образ этой очереди предполагает общую для всех единственную идею того, каким должно быть будущее.

Некоторые находили «Хрустальные дворцы» неотразимыми, другие ненавидели то, что они олицетворяли. По некоторым сведениям, Чарльз Диккенс написал роман «Холодный дом» (1852–1853) под впечатлением от этого триумфального зрелища. Он был сторонником Англии, у которой было бы меньше имперских притязаний и потому больше благополучия. Федор Достоевский также предпочитал не поддаваться порыву прогресса. В «Записках из подполья» он выразил мрачное предчувствие, что Хрустальный дворец олицетворял процесс, в котором «настанут новые экономические отношения, совсем уж готовые и тоже вычисленные с математической точностью», что приведет к предсказуемому и «ужасно скучному» будущему¹⁴.

II. Модерность как разрыв и преемственность

Для многих жителей викторианской Англии предсказуемое и скучное, безусловно, было бы предпочтительнее грязного и опасного. Лондон оставался центральным узлом во все более глобальных торговых сетях и столицей финансовой империи. Город привлекал как богатых, так и нищих со всех уголков планеты¹⁵. Он стал первопроходцем целого ряда городских усовершенствований в области здравоохранения и инженерии — от амбициозных систем канализации до более ровных тротуаров, с которых было легче убирать конский навоз. В Лондоне было немало эффектных проектов, в том числе так и не построенная «Великая викторианская дорога» Джозефа Пакстона. В 1855 году он предложил построить «пояс» длиной 10 миль, чтобы разгрузить пробки и улучшить транспортное сообщение между районами. Отчасти он был вдохновлен проектами Кристофера Рена, разработанными после Великого пожара, но футуристический стиль и масштаб были заимствованы у Хрустального двор-

13 Our Crystal Palace. P. 127. Дальнейшие цитаты помещены на той же странице. Октябрьский номер открывался вопросом: «Какое впечатление мы производим и должны производить за рубежом?» (345).

14 Dostoevsky F. Notes from Underground / Trans. by C. Garnett. New York: Heritage Press, 1967. P. 15. (Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем: В 35 т. 2-е изд., испр. и доп. Т. 5. СПб.: Наука, 2016. С. 126.)

15 Mayhew H. London Labour and the London Poor. London: Griffin, Bohn, and Company, Stationers' Hall Court, 1861–1862.

ца. В рамках проекта предусматривалось создание монументальной системы аркад, местами приподнятых над землей, вдоль которых располагались бы магазины, жилые дома и пневматические железные дороги. Этот закрытый бульвар, построенный из железа и стекла, должен был защищать людей от городских нечистот, загрязнения и непогоды. Он должен был имитировать сельскую местность, предоставляя рабочему классу возможность отдохнуть от переполненных кварталов. Пакстон утверждал, что его план, «величайшая новинка» во всем мире, сделает Лондон «величайшим городом в мире»¹⁶.

Наиболее значимый осознанно современный подход к городскому планированию был реализован в Париже благодаря ряду смелых реформ, проводившихся с 1853 по 1870 год. Викторианский Лондон стал свидетелем появления в 1863 году первой в мире системы подземного общественного транспорта, построенной частной компанией *Metropolitan Railway*.

Однако в самых символических общественных проектах преобладало «изобретение традиции». Историк Эрик Хобсбаум использовал это выражение для описания попытки создать видимость преемственности с идеализированным прошлым¹⁷. В качестве примера он привел реконструкцию британского парламента в готическом стиле после пожара 1834 года. Массивный Вестминстерский дворец, вновь отстроенный после Второй мировой войны, стоит до сих пор — в отличие от Хрустального дворца, который сгорел в 1930-х годах. Когда в 1850-х годах Пакстон представил свой монументальный проект, члены парламента знали о реконструкции в Париже. Архитектор пытался апеллировать к духу соперничества, но безрезультатно.

Пересоздав французскую столицу, англофил-император Наполеон III помог вывести свою страну на одно из первых мест в «очереди прогресса». Новый образ Парижа содержал элементы «изобретения традиции», но в большей степени опирался на миф о разрыве с прошлым — ключевом компоненте модерна¹⁸. Даже до своей трансформации Париж уже занимал видное место в трансатлантическом урбанистском воображении. В упомянутом выше номере журнала «Putnam's Monthly», который, по-видимому, неосознанно представляет карту ментальных образов образованных людей того времени, одна из статей начиналась с риторического вопроса: «Тс-с! Тс-с! Тс-с! Париж пуст? Париж скучен?»¹⁹ Оказывается, скука в глазах смотрящего. Авторы обнаружили на парижских бульварах дух истории, жизненную силу и опыт потребления (шампанское! кафе!), которые пробуждали «вкус к жизни». Они выражали восхищение городом как «источником надежды». В классистском тоне

16 June 7, 1855. Minutes of Evidence Taken before Select Committee // Report from the Select Committee on Metropolitan Communications <...>. London: Parliament, House of Commons, 1855. P. 90. В 1857 году анонимный французский инженер опубликовал «Города и железные дороги» («Les Cités de Chemins de Fer») со схожими предложениями, такими как окружающая Париж железная дорога и здания со стеклянными куполами.

17 The Invention of Tradition / Ed. by E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

18 Харви пишет, что «один из мифов современности состоит в том, что она представляет собою радикальный разрыв с прошлым» (Harvey D. Paris, Capital of Modernity. New York: Routledge, 2006. P. 1). Он утверждает, что этот миф создали сторонники парижских реформ.

19 Sketches in a Paris Café // Putnam's Monthly. 1853. Vol. 2. № 12. P. 627–632.

статья указывала на социальные пространства, разделенные по уровню дохода и культуры: с одной стороны, был расточительный «позолоченный Париж», а с другой — рабочее «королевство лохмотьев», где «недовольство витает в воздухе».

Ссылаясь на историю политических потрясений, статья представляла Францию как страну, в которой «ничто не является постоянным, кроме того, что временно»²⁰. Мы недалеко от основополагающего определения Шарля Бодлера в «Поэте современной жизни» (1863): «Новизна составляет переходную, текучую, случайную сторону искусства; вечное и неизменное определяет другую его сторону»²¹. Это взаимодействие между постоянством и изменением имеет решающее значение для понимания процесса, который стал известен как «османизация». Политика, экономика и эстетика объединяются под этим термином, который стал синонимом масштабного сноса и постройки заново. Он происходит от имени Османа, которого Наполеон III назначил префектом Сены в 1853 году. Избранный президентом в 1848 году, Луи-Наполеон Бонапарт провозгласил себя императором в 1852, после государственного переворота и двух недемократических плебисцитов. Его префект, скорее бюрократ, чем визионер-градостроитель, возглавлял радикальные реформы французской столицы до 1870 года.

Эти реформы отличались от более ранних прецедентов, поскольку предполагали наложение современной структуры на уже существующий крупный город. Система широких и прямых проспектов, обрамленных рядами однотипных зданий, прорезала лабиринтообразные кварталы.

Модернизированный Париж стремился стать образцом капиталистического динамизма и ускорить мобильность, одновременно закрепляя вековые ценности порядка и красоты — для потомков. Он воплощал видение будущего, основанное как на преемственности, так и на разрыве. Уже в 1842 году Наполеон III писал, что хотел быть вторым Августом, поскольку первый сделал Рим «городом мрамора»²². Желание перепланировать и осовременить город не было новым и, как мы видели, восходило по меньшей мере к XVIII веку. Некоторые планы первой половины XIX века остались на бумаге, включая составленный по модели Вашингтона план Ленфана. Однако после Июльской революции 1830 года начались вмешательства в городскую архитектуру, среди которых новые общественные источники воды, деревья, тротуары и Триумфальная арка. Наполеон III к тому же вернулся к желаниям, которые некогда высказал его дядя. Несколько десятилетиями ранее Наполеон Бонапарт мечтал о «сказочной» и «колоссальной» столице с населением 2–4 миллиона человек, не имевшей себе равных, на месте «старого Парижа»²³. Осман, мечтавший об акведуках и канализационных системах, что напоминали бы о римлянах, часто говорил о «завоевании старого Парижа»²⁴.

20 В оригинале: «Il n'y est que le provisoire qui dure en France» (Ibid. P. 627).

21 Baudelaire C. Selected Writings on Art and Artists / Trans. and ed. by P.E. Charvet. New York: Penguin, 1972. P. 403. (Бодлер Ш. Об искусстве / Вступ. ст. В.В. Левица; послесл. В. Мильчиной; коммент. Ю. Стефанова. М.: Искусство, 1986. С. 292.)

22 Цит. по: McAuliffe M. Paris, City of Dreams: Napoleon III, Baron Haussmann, and the Creation of Paris. Lanham: Rowman & Littlefield, 2020. P. 29.

23 Jordan D.P. Transforming Paris: The Life and Labors of Baron Haussmann. New York: Free Press, 1995. P. 159.

24 Ibid. P. 220.

Как в риторике, так и на практике реформы сочетали привязанность к прошлому и стремление к переменам. В запутанном лабиринте исторического центра города, недалеко от собора Нотр-Дам, появление «великого перекрестка» (*la grande croisée*) одновременно символизировало и традицию, и перелом: две главные магистрали пересекались под прямым углом, служа осью для всего города²⁵. Это подчеркивало как символическую силу, так и современную значимость новой схемы, а также ее религиозный смысл. Осман предпочел для уличного освещения проверенные газовые фонари, а не экспериментальное электричество. Рынок «Ле-Аль» также олицетворял компромисс между инновациями и традицией: чугунное сооружение со стеклянными панелями, созданное под влиянием Хрустального Дворца, служило местом для давних и популярных торговых практик в самом сердце города. Иногда за внешним разрывом скрывалась преемственность.

До этого момента созданные в верхах проекты сопоставимого масштаба опирались на способность рассматривать территории как «чистый лист» для развития — будь то в рамках расширения пригородов, восстановления после не входившего в намерения урбанистов разрушения или строительства с нуля. Осман обладал полномочиями на принудительное отчуждение и организацию перепродажи земельных участков, примыкающих к новым улицам, частным застройщикам. В результате этого процесса было снесено около 27 500 жилых домов, а создано около 102 000²⁶. Архитектура Османа отличалась эклектичным стилем, составлявшим при этом единое целое: как правило, это были пяти- или шестизэтажные многоквартирные дома с фасадами из известняка, имевшие общие стены вдоль бульваров. Реформы позволили модернизировать инфраструктуру, в том числе канализацию, водопроводы, снабжение, транспортные сети, открытые пространства, государственные и культурные учреждения.

Реконструкция Парижа осуществлялась в различных масштабах — от локального до глобального. В пределах города более широкие магистрали были призваны пропускать воздух и солнечный свет в густонаселенные кварталы. Они облегчили передвижение товаров, людей и военных сил, а ровное дорожное покрытие позволяло развивать более высокую скорость. Новая сеть бульваров объединила изолированные кварталы и создала транспортные узлы вокруг вокзалов, площадей или памятников. Осман и его команда настояли на объединении системы газоснабжения и координации линий конных омнибусов. Десятки миль новых или расширенных дорог помогли включить пригороды в транспортную систему, особенно после 1860 года, когда в результате присоединения прилегающих территорий площадь города увеличилась более чем вдвое, а население увеличилось с примерно 400 000 до 1,6 миллиона человек. Этот масштаб столицы позволил реорганизовать Париж таким образом, что в нем оказались предвосхищены некоторые аспекты современного зонирования: предприятия тяжелой промышленности были размещены вдали от

25 Прецеденты этого плана появились уже в XIV веке (Ibid. P. 187). Как показала Гаяр в работе «Париж как город (1852–1870)» (*Gaillard J. Paris, la ville (1852–1870)*. Paris: Harmattan, 1997), многие элементы реформ основывались на более ранних планах, в том числе предложенных комитетом под руководством Сен-Симона.

26 *Moncan P.de, Heurteux C. Le Paris d’Haussmann*. Paris: Les Editions du Mécène, 2002. P. 64–65.

городского центра, чтобы избежать загрязнения окружающей среды и скопления бедных рабочих²⁷.

<...>

Франции нужна была столица, достойная ее имперских амбиций. Подготовка к Всемирной выставке 1855 года способствовала более сильному давлению, приведшему к первому ряду преобразований²⁸. Термин «всемирная» здесь, конечно, подразумевал определенные ценности модерна, которые новый город стремился воплотить: красоту, порядок и прогресс, проявлявшиеся в симметричной геометрии, эффективности и производительности. Связанная с деятельностью Наполеона III версия авторитарного и поддерживаемого государством промышленного капитализма способствовала экономическому росту на уровне около 5 процентов в год. В 1860 году, ознаменовавшем либеральный поворот в политике режима, Франция и Великобритания подписали соглашение о свободной торговле — Договор Кобдена-Шевалье. Реконструкция Парижа также совпала с инвестициями в инфраструктуру, заложившими основу для колониальной экспансии, прежде всего в строительство Суэцкого канала (1859–1869) — предприятия, возглавляемого французами. Это дало старт реформам в духе Османа в Каире²⁹. В глобальных делах французский император стремился играть одну из лидирующих ролей. Наполеон III активно поддерживал колониальные предприятия в Новой Каледонии, Камбодже и нынешнем Вьетнаме. В Сенегале они включали строительство нового порта³⁰. Уже в 1853 году французское правительство пыталось установить телеграфную связь с Алжиром, внимательно следя за действиями своих британских конкурентов³¹. Что касается менее далеких дел, Франция участвовала в Крымской войне (1853–1856) на стороне победителей и вмешивалась в итальянские войны за независимость, выступая против республиканцев. Планы Наполеона III распространялись и на американский континент, где он безуспешно пытался силой посадить на мексиканский трон лояльного ему императора (1864–1867).

Парижские реформы происходили в динамичной международной обстановке, пронизанной идеями ориентированной на будущее урбанизации. Поступь прогресса в мегаполисе в некотором смысле опиралась на колонизацию Северной Африки после вторжения и завоевания Алжира в 1830 году. Препятствиями в нем стали османское прошлое и исламское настоящее. По мнению историка Зейнеп Челик, французские администраторы способствовали «разрушению и расчленению старой структуры», предвосхищая «османовскую

27 Ibid. P. 58–61; Jordan D.P. Transforming Paris... P. 355.

28 McAuliffe M. Paris, City of Dreams... P. 59. Среди посетителей была королева Виктория. Официальное название звучало как «Всемирная выставка продуктов сельского хозяйства, промышленности и изящных искусств» (*Exposition Universelle des Produits de l'Agriculture, de l'Industrie et des Beaux-Arts*).

29 Mumford E. Designing the Modern City... P. 26.

30 Nelson D. Defining the Urban: The Construction of French-Dominated Colonial Dakar, 1857–1940 // Historical Reflections / Réflexions Historiques. 2007. Vol. 33. № 2. P. 229.

31 Giuntini A. 2 ITU, Submarine Cables and African Colonies, 1850s–1900s // History of the International Telecommunication Union (ITU): Transnational Techno-Diplomacy from the Telegraph to the Internet / Ed. by G. Balbi and A. Fickers. Berlin: De Gruyter, 2020. P. 37.

операцию до Османа»³². Она утверждает, что «армия была главным проводником модерна в Алжире»³³. В течение последующих десятилетий войска применяли насилие к инакомыслящим, убив сотни тысяч человек. В то же время во времена Второй империи градостроители в значительной степени сохранили старый город благодаря смеси уважения и презрения к нему. По преобладающему мнению, местным жителям не хватало современных обычаев и образа жизни европейцев. Официальные визиты Наполеона III в Алжир 1860 и 1865 года совпали со строительством грандиозного бульвара Императрицы, который заменил дома и укрепления османской эпохи, но оказал незначительное влияние на касбу. Он призвал колонистов «верить в будущее», укрепляя свою связь с этой «новой родиной» и одновременно относясь к менее цивилизованным туземцам с «миром» и «милосердием»³⁴.

В 1867 году мексиканцы казнили императора Максимилиана, нанеся удар по французскому проекту «латинской» империи. В том же году, однако, Париж блистал на мировой арене. Еще более масштабная Всемирная выставка приняла более 9 миллионов посетителей в продолговатом здании из металла и стекла на Марсовом поле. В одном из официальных изданий автор размышлял: «Это больше, чем город, — это целый мир, и этот мир дышит одним воздухом и живет общей жизнью в едином центре»³⁵. Франция выступила в роли организатора современной цивилизации. В том же году в столице состоялись учредительные собрания Международного конгресса архитекторов, Международной телеграфной конференции и Международной валютной конференции. Париж стремился установить стандарты в области красоты, связи и торговли. Однако не следует считать распространение «османизации» за неизбежное явление. Вероятно, Осман отчасти обязан своим огромным влиянием тому факту, что реформы, связанные с его именем, не имели единого руководящего плана. Это позволяло другим заимствовать и адаптировать их по своему усмотрению.

Как и другие авторитарные градостроители до него, Осман не имел образования в области градостроительства или инженерного дела. Современники сравнивали его работу с проектом Помбала в Лиссабоне³⁶. В обоих городах, в отличие от более минималистской сетки Манхэттена, планы объединяли городскую форму, архитектуру и планирование. Проекты Помбала и Османа отличались друг от друга целостностью и воплощали видение, исключавшее другие возможности. В XV веке Леон Баттиста Альберти выдвинул теорию, согласно которой архитектор, в отличие от строителя, действует имея в виду целое. Архитектор проектирует, а строительство воплощает это видение. Па-

32 *Çelik Z.* Empire, Architecture, and the City: French-Ottoman Encounters, 1830–1914. Seattle: University of Washington Press, 2008. P. 73.

33 *Ibid.* P. 12.

34 Цит. по: *Carroll C.* Imperial Ideologies in the Second Empire: The Mexican Expedition and the Royaume Arabe // French Historical Studies. 2019. Vol. 42. № 1. P. 67–68. Сам Наполеон III не любил понятие «колония», поскольку думал, что французы не должны заменить арабов в качестве большинства населения. В детстве главный архитектор бульвара Императрицы бежал от Гаитянской революции. Теперь часть бульвара названа в честь Че Гевары.

35 *L'Exposition Universelle de 1867 Illustrée: Publication Internationale Autorisée par la Commission Impériale.* Paris: Commission Impériale, 1867. P. 31. В публикации речь идет о том, как еще несколько стран может ожидать светлого будущего.

36 *Jordan D.P.* Transforming Paris... P. 9.

рижская перестройка отклонилась от точки зрения Альберти в большей степени, чем лиссабонская. Как и «План комиссионеров»³⁷, она во многом полагалась на инициативу частных инвесторов. И хотя этот проект тесно ассоциировался с Османом, политические обстоятельства и импровизация постоянно влияли на процесс планирования и реализации.

<...>

Как жители Парижа переживали преобразования, отражавшие стремления и действия влиятельных людей? Гораздо большая, чем прежде, доля населения получила доступ к свежей воде и канализационной системе, площадь которой увеличилась в четыре раза. Тем не менее условия жизни по-прежнему оставались ужасными для рабочего класса и бедноты. Их по-прежнему можно считать основными участниками этих преобразований, даже если их представления о будущем не оказали влияния на процесс планирования. По крайней мере, они представляли угрозу элитарным мечтам о порядке и прогрессе. Историк Дэвид Джордан утверждает, что «1848 год сделал возможным появление современного Парижа»³⁸. Действительно, облегчение проведения военных операций против забаррикадировавшихся повстанцев было важной мотивацией для правящих классов. Один из противников режима Наполеона III, высказав то, что стало банальной истиной, утверждал, что прямые линии бульваров объясняются тем, что «пули не умеют поворачивать на первый поворот направо»³⁹. Многие из новых бульваров по ширине напоминали строй кавалерийской роты.

Страх перед народными восстаниями в сочетании с очевидным бедственным положением лишенных средств к существованию заставил некоторых чиновников обратить внимание на необходимость улучшений, особенно в сфере водоснабжения, санитарии и благоустройства. Организация рабочих также стала более эффективной. Левые группы пошли на спад после подавления революции 1848 года, но вскоре вновь начали объединяться. В 1864 году активисты со всего континента собрались в Лондоне и основали Международное товарищество трудящихся. Оно станет известна как Первый Интернационал. Во Франции в период Второй империи рабочие движения и забастовки набирали силу. В то же время обеспеченные парижане смешивали дискурсы о городской санитарии и об «опасных классах»⁴⁰. Они часто представляли приезжих из деревни, бродяг и инакомыслящих как склонных к девиантному поведению. В книге одного известного юриста, например, утверждалось, что этих потенциальных врагов общественной нравственности и безопасности необходимо изолировать⁴¹. Эти соображения повлияли на проектирование таких объектов, как новый железнодорожный вокзал «Гар-дю-Нор». Архитекторы создавали разделенные на отсеки пространства для обеспечения физического

37 Согласно которому планировались кварталы Нью-Йорка и других американских городов; см. ниже. — *Примеч. пер.*

38 Ibid. P. 85.

39 Ibid. P. 304; *Loyer F. Paris XIXe Siècle.* Paris: Hazan, 1987. P. 332.

40 См.: *Frégier H. Des classes dangereuses de la population dans les grandes villes.* Paris: J.-B. Baillière, 1840; *Chevalier L. Laboring Classes and Dangerous Classes in Paris during the First Half of the Nineteenth Century.* New York: Howard Fertig, 1973; *Kalifa D. Vice, Crime, and Poverty: How the Western Imagination Invented the Underworld.* New York: Columbia University Press, 2019.

41 *Delaroy E. de R. Des moyens de contenir les classes dangereuses.* Paris: Imprimerie Centrale des Chemins de Fer, 1854.

разграничения, а не открытые залы, которые могли бы способствовать смешению разных слоев общества и шумным скоплениям людей.

В целом, облегчив передвижение между ранее замкнутыми внутри себя кварталами, реформы привели к большому социальному разнообразию в пределах общественно доступных пространств, что вызвало недовольство у некоторых более состоятельных парижан. Тем не менее этот процесс непропорционально нарушил жизнь бедных. Около 15 000 человек лишились жилья только на острове Сите⁴². Им пришлось переехать с этого расположенного в центре города острова на Сене в другие временные жилища поблизости или в быстро-растущие пригороды. Будущее, запланированное для Парижа, предполагало скорее более иерархическое, чем более эгалитарное общество. «Османизация» способствовала формированию того, что все чаще становилось трансатлантической моделью: более богатые центры, окруженные районами с более низким уровнем доходов. Осману было свойственно называть городскую бедноту «кочевниками»⁴³. Подразумевалось, что их насильственное переселение не должно не вызывать тревоги либо что естественное состояние бедных заключалось в том, чтобы лишиться корней и не вписываться в городскую цивилизацию. Им не дано права влиять на будущее города. Осман был против расширения избирательного права, регулирования арендной платы и субсидированного жилья для рабочих. Наполеон III не согласился с последним пунктом и содействовал строительству доступного жилья за счет благотворительных средств⁴⁴. Он понял, что давление со стороны народа могло быть задействовано в его собственных политических битвах или, напротив, было способно свергать правительств. Игнорировать бедных было опасно для глав государств. Не зря в 1855 году Франция пережила последний голод в своей истории.

Осман был в целом непопулярен, поэтому использование его в качестве «громоотвода» отвечало интересам императора. Еще в самом начале префекта обвиняли в «мании величия»⁴⁵. Наполеон III, в свою очередь, возглавлял авторитарный режим, который подавлял оппозицию, ограничивая свободу слова и собраний. Хотя изначально он был избран при широкой поддержке, список его видных критиков со временем только увеличивался. В их число входили изгнанные Виктор Гюго и Эжен Сю. Популярный автор романа «Парижские тайны» был избран в законодательный орган в 1850 году и покинул Францию после переворота. В число критиков входили некоторые из ныне наиболее уважаемых писателей и художников XIX века, такие как Эдуард Мане, Клод Моне, Эмиль Золя и Гюстав Флобер. Даже если они и не любили императора, в отношении художников к современному Парижу часто наблюдалась неоднозначность. Однако, когда режим двинулся в сторону либерализации в конце 1850-х годов, в прессе и в судах начало расти противодействие.

<...>

Модерные города выделяли отдельные пространства для труда и досуга. Компартиментализация и разделение функций распространились и на городское управление, где различные ведомства брали на себя конкретные обязан-

42 *Jordan D.P.* Transforming Paris... P. 198.

43 *Ibid.*

44 *Shapiro A.-L.* Housing the Poor of Paris, 1850–1902. Madison: University of Wisconsin Press, 1985. P. 48 et passim.

45 *McAuliffe M.* Paris, City of Dreams... P. 77.

ности. Осман создал департамент променадов и садов, возглавляемый инженером-строителем Адольфом Альфаном⁴⁶. Он помог изменить некоторые представления относительно того, как должны проектироваться городские парки. Французские сады раннего Нового времени состояли из геометрических симметричных фигур, в которых ценились строгие формальные композиции. По аналогии с этим в современном городе были введены прямые магистрали для обеспечения эффективного передвижения. Отходя от этой традиции прямых линий, в современных парках предпочтение отдавалось извилистым дорожкам. Частично идея заключалась в том, что досуг и природа должны быть сдержаны в пространстве, но в то же время в рамках этих ландшафтов архитектурные формы могли бы способствовать освоению и менее регламентированному переживанию времени.

Лесные парки выполняли еще одну специфическую функцию. Булонский лес задумывался как «легкие» города. Эта все более распространенная биологическая метафора, используемая для описания городов, напоминает нам о том, насколько вопросы здоровья повлияли на современное градостроительство. Она также указывает на диссонанс между городом урбанистов, который часто воспринимается как единое целое и рассматривается сверху вниз, и непредвиденным (*contingent*) опытом горожан. В действительности многие из тех, кто жил в эпоху реформ, больше беспокоились о том, что они потеряли. Многие парижане были возмущены сокращением площади их любимого Люксембургского сада ради создания прямолинейной планировки улиц. Это преобразование осуждалось в негодующих брошюрах и газетных статьях. Еще два десятилетия спустя в некрологе Османа его наследие было охарактеризовано как «вандализм», из-за которого Люксембургскому саду было нанесено «увечье»⁴⁷. Анатомические метафоры могли использоваться двояким образом. Повествователь в одном из романов Золя, который можно привести в качестве примера, сожалел, видя, как «вены его <Парижа> вскроют»⁴⁸.

Наблюдая, как их окружение радикально меняется, люди говорили о чувстве утраты. Городская ткань утратила большую часть своего морфологического разнообразия. Во многих случаях нормы устанавливали соотношение между шириной улиц и высотой зданий. В отличие от Лиссабона эпохи Помбала архитектурное однообразие не строго предписывалось законом. Однако стандартизация давала застройщикам экономические преимущества. Один современный журналист назвал новые здания «прискорбными в своей регулярности»⁴⁹. Другой писатель сожалел об «однообразии архитектуры»⁵⁰. Эдмон и Жюль де Гонкур писали, что «без изгибов, без неожиданных ракурсов, неумолимо прямые» новые бульвары напоминали им Лондон или «какой-нибудь американский Вавилон будущего»⁵¹. Теофиль Готье вторил им: «Это уже не

46 Он назывался Службой променадов и насаждений (*Service des Promenades et Plantations*). Альфан остался на этом месте после конца Второй империи и, как мы увидим, стал влиятельной фигурой по другую сторону Атлантики.

47 Jordan D.P. Transforming Paris... P. 264.

48 Zola É. La Curée. Paris: Le livre de poche, 1984. P. 94. (Золя Э. Добыча / Пер. Т. Ириновой // Золя Э. Собрание сочинений: В 18 т. Т. 1. М.: Правда, 1957. С. 350.) Опубликовано в 1872 году.

49 McAuliffe M. Paris, City of Dreams... P. 60–61.

50 Jordan D.P. Transforming Paris... P. 348.

51 В 1860 году. Цит. по: Ibid. P. 348.

тот Париж, который я знал раньше, <...> это Филадельфия, Санкт-Петербург, что угодно, но не Париж»⁵².

Авторы выражали свои страхи перед доминированием Соединенных Штатов и риск, который безудержное распространение коммерческих ценностей создает для представления о французском культурном превосходстве. Сравнение с американским Вавилоном подразумевало, что капиталистическая современность заменяет небесного Бога мирским. Помещая этот процесс в будущее, братья Гонкур напомнили о падении Вавилона. Соединенные Штаты были соперником, а не образцом для подражания. Этот геополитический антагонизм также помогает объяснить попытку Франции основать католическую империю в Мексике, воспользовавшись Гражданской войной в США. Хотя это вмешательство в международную политику в целом не смогло расширить сферу влияния Франции в регионе, «османизация» стала непреднамеренным источником «мягкой силы» в годы после правления Наполеона III. Вместо того чтобы восприниматься как типично американская или футуристическая, со временем новая система бульваров и архитектура во всем мире стала казаться квинтэссенцией парижского стиля — современного, цивилизованного и модного.

Конечно, многие во Франции воспринимали реконструкцию города как крупное достижение. Они понимали, что «старый Париж» больше не мог удовлетворять социальным и экономическим потребностям современной столицы. С одной стороны, стремительный темп и кажущаяся предопределенность или окончательность реформ вызывали неудобство даже среди их сторонников. Один известный писатель заметил, что следует «оставить что-то» и для XX века⁵³. С другой стороны, часто встречалась неосознанная уверенность в том, как их оценят потомки. Как и ранее в Лиссабоне и Нью-Йорке, будущее, придуманное для Парижа, означало переход от религиозных к светским ценностям. Более чем где-либо пространственные иерархии были призваны отражать устремления растущей буржуазной элиты. Показательно, что самым дорогостоящим архитектурным проектом Второй империи был оперный театр, который призван был стать самым грандиозным в мире.

Шарль Гарнье выиграл заказ на проектирование оперного театра на конкурсе, объявленном в 1860 году. До этого он был относительно неизвестным архитектором. Проектом руководило государство, а не городские власти. Наполеон III продолжал им заниматься, но Осман не контролировал строительство. В действительности он бы предпочел другое место. По всему Парижу новые бульвары соединяли изолированные кварталы и сходились к знаковым местам, создавая панорамы, подчеркивавшие впечатляющие железнодорожные вокзалы или исторические памятники, такие как Триумфальная арка. Опера, обрамленная городской застройкой, занимала одно из таких ключевых мест. В этом явно проявляется культурная иерархия, придающая особое значение этому излюбленному развлечению высших слоев общества. Однако доступ к опере больше не был прирожденной привилегией, как в аристократическом обществе. Билеты продавались. Теперь правила бал коммерческая логика. Это торжество социального роста, а не унаследованного положения

52 McAuliffe M. Paris, City of Dreams... P. 142.

53 Леон Галеви, 1867, цит. по: Maneglier H. Paris Impérial: La Vie Quotidienne sous le Second Empire. Paris: Armand Colin, 1990. P. 263.

можно понимать как с точки зрения разрыва, так и преемственности. Даже несмотря на то что границы классов изменились, мы все еще можем интерпретировать оперу как удовлетворение стремления элиты к сегрегации. Будущее было более открытым и динамичным. Но это оно было бы вариацией на тему прошлого.

Это взаимодействие отражалось в градостроительстве. Новаторское использование чугуна поддерживало конструкцию, но, в отличие от «Хрустальных дворцов» или «Ле-Аль», оставалось незаметным. В этом отношении видимость преемственности скрывала разрыв. Роскошный экстерьер может ассоциироваться как с «изобретением традиции», так и с «современностью» как мифом о разрыве. Он сочетал в себе элементы классицизма и стиля «Бозар» (Второй ампи́р. — *Примеч. пер.*). Один известный архитектор того времени писал, что в дизайне эклектизм, отталкиваясь от религиозных и аристократических моделей, пробовал использовать лучшие составляющие «развалин прошлого» как форму «поиска и подготовки к будущему»⁵⁴. Любой несведущий в архитектуре прохожий мог заметить знакомые элементы, такие как колонны, и все же остаться уверенным, что фасад в таком эклектичном стиле мог называться только новой (*nouvel*) оперой, как ее поначалу и называли. Внутри огромный вестибюль противоречил своим обычным театральным предшественникам и, в отличие от Гар дю Нор, поощрял смешение различных классов — в безопасном пространстве для тех, кто мог его себе позволить.

<...>

Это здание стало известно под именем Дворец Гарнье. К нему также приклеилось прозвище Хрустальный дворец. Тот факт, что обозначение «дворец» использовалось для выполнявших отчасти общественную функцию зданий, уже обозначал отход от практики, восходящей к римскому Палатинскому холму, резиденции Августа. Самые впечатляющие лондонские здания XIX века были построены на частные средства, но оставались относительно популярными и доступными достопримечательностями. Дворец Гарнье отражал элитарные устремления империалистического и буржуазного общества. В новом Париже другие престижные и ключевые городские объекты размещали транспортную инфраструктуру, обозначавшую будущее, или архитектурные памятники, увековечивавшие национальные славные деяния прошлого. Опера приобрела столь же высокий статус в городской ткани. Это здание стало бы одновременно и храмом, и дворцом, но только для высокой культуры — и для тех, кто мог себе ее позволить.

Строительство оперного театра было завершено только в 1875 году, уже при Третьей Республике. Как оказалось, развитие культуры не оправдывало ожиданий. Ставка на будущее оказалась, по крайней мере частично, неверной. Творцы, которых признаёт современная эпоха, часто обретали большую жизненную силу в грязных и шумных театрах и тавернах рабочего класса, чем в ослепительных залах унылых высших классов. В современной культуре технократические и литературные дискурсы будут все больше противоречить друг другу. Париж художников-импрессионистов и «проклятых поэтов» — экспериментаторов имел большее значение для XX века. <...>

54 Цезар Дали, «Международная конференция» (1867), цит. по: *Sadighian D. The World Is a Composition: Beaux-Arts Design and Internationalism in the Age of Empire, 1867–1914. PhD diss., Harvard University, 2023. P. 77.*

Планирование больше не может полностью свести урбанизацию к набору управляемых переменных. Непостоянство — это константа. Некоторые предметы исчезают лишь для того, чтобы другие остались прежними. Шарль Бодлер, еще один сторонник «бродячих мечтаний» (*itinerant daydreaming*), выразился иначе: «Изменился Париж мой, но грусть неизменна...»⁵⁵

III. Конкурирующие варианты будущего

Наполеон III был прав: ничто не длится вечно. Под давлением набравшейся смелости оппозиции и из-за растущей непопулярности в столице он в 1870 году отправил в отставку Османа. Спустя несколько месяцев Франко-прусская война привела к краху Второй империи и провозглашению республики. Прусские войска держали Париж в осаде более четырех месяцев, вплоть до января 1871 года. Величественные сады нового города приобрели ранее невообразимые функции. Голодающие и замерзающие, отчаявшиеся парижане срубили деревья в Булонском лесу, чтобы пустить их на дрова, и съели животных из зоопарка.

В марте 1871 года, всего через несколько дней после капитуляции Франции перед Пруссией, революционные волнения привели к созданию Парижской коммуны. Недовольные солдаты Национальной гвардии и рабочие захватили контроль над городом. В течение нескольких дней они провели выборы. 28 марта представители Общинного совета были объявлены перед многотысячной толпой перед Отель-де-Виль — расположенной в центре города ратушей, где Осман работал в течение семнадцати лет. Теперь над этим внушительным зданием развевался красный флаг. Это здание, построенное в стиле французского ренессанса, уцелело после реконструкции Османа. Однако реформы открыли прилегающие районы и позволили им лучше принимать массовые собрания. Если бульвары задумывались как стратегия подавления восстаний, то, судя по всему, она провалилась — по крайней мере, пока. Коммунары широко использовали баррикады и осваивали новые пространства. На следующий день после избрания Совет обратился к гражданам из здания Отель-де-Виль. Его речь напрямую затрагивала право на будущее: «Вы — хозяева своей судьбы»⁵⁶.

<...>

С тех пор не прекращаются споры о Парижской коммуне. Братья Гонкуры считали, что «Кровавая неделя» послужит уроком, который предотвратит следующие революции на пару десятилетий⁵⁷. Сопоставимые баррикады появятся в Париже только в 1968 году. Флобер в письме к Жорж Санд описал Коммуну как пережиток Средневековья, а не предвестницу нового общества⁵⁸. Страхи перед городскими массами и пролетарскими революциями вдохновили протодисто-

55 Бодлер III. Лебедь / Пер. В. Левика // Бодлер III. Цветы зла / Изд. подг. Н.И. Балашов, И.С. Поступальский. М.: Наука, 1970. С. 145.

56 Цит. по: Gluckstein D. The Paris Commune: A Revolution in Democracy. London: Haymarket Books, 2011. P. 41.

57 Goncourt E. de, Goncourt J. de. Pages from the Goncourt Journal / Ed. by R. Baldick. Oxford: Oxford University Press, 1962. P. 194.

58 Письмо от 31 марта 1871 года: Correspondance entre George Sand et Gustave Flaubert. Paris: Calmann-Lévy, 1916.

пические повествования, действие которых происходило в будущем⁵⁹. Между тем мыслители левого толка уделяли этому эксперименту пристальное внимание как модели и предостерегающему примеру. Мы можем также рассматривать его как важный поворотный момент в изобретении городского будущего — как в плане открытых им возможностей, так и в плане тех, которые это изобретение закрыло.

<...>

В некоторых недавних научных работах утверждается, что реформы и опыт выселения способствовали формированию враждебности, лежавшей в основе восстания⁶⁰. Когда Коммуна пала, толпы действительно обрушились на объекты, символизировавшие создания Османа, путь даже нападения были преимущественно направлены на более старые символические здания, такие как Дворец Тюильри и Отель-де-Виль⁶¹. Другие утверждают, что Коммуна учит нас, почему рабочим не нужно указывать, что им делать, и что существуют альтернативы системам эксплуатации⁶². Безусловно, это верно, но любые выводы должны принимать в расчет жестокое подавление Коммуны как знак того, что устоявшиеся власти не готовы терпеть угрозы общественному порядку⁶³. Противодействие Коммуне было разнообразно — от критики ее диктаторского поворота до массовых убийств, совершенных Французской Республикой. «Кровавую неделю» можно интерпретировать как переломный момент в утверждении власти над городским суверенитетом и самоуправлением. Реакция Французской Республики на этот городской эксперимент сделала сложной задачей наглядно представить себе будущее суверенного социального коллектива вне рамок национального государства.

—

Наполеон III умер в изгнании в Англии в 1873 году. Ему не суждено было увидеть завершения строительства новой оперы. Париж так и не оправдал типичных для Второй империи видений упорядоченного современного будущего. Архитектурная и социальная ткань города несла следы событий 1871 года. В богатых районах здания лежали в руинах. Рабочие кварталы значительно потеряли в числе жителей. Небольшое предприятие могло остаться без слесаря. А ребенок — без дяди. Несмотря на утрату утраченных вариантов будущего, Третья республика обеспечила преемственность ряда реформ. Адольф Альфан остался на посту директора Департамента общественных работ. Планирование и проектирование города по-прежнему служили сложившимся интересам и опирались на государственные возможности. В то же время не все случаи сопротивления авторитарным проектам модернизации исходили из революционных кругов. Даже во

59 *Beaumont M.* Cacotopianism, the Paris Commune, and England's Anti-Communist Imaginary, 1870–1900 // *ELH: English Literary History*. 2006. Vol. 73. № 2. P. 465–487.

60 *Meyer E. da C.* Dividing Paris: Urban Renewal and Social Inequality, 1852–1870. Princeton: Princeton University Press, 2022. P. 6.

61 *Walker N.* Lost in the City of Light: Dystopia and Utopia in the Wake of Haussmann's Paris // *Utopian Studies*. 2014. Vol. 25. № 1. P. 34–35.

62 *O'Shea L.* Future Histories: What Ada Lovelace, Tom Paine, and the Paris Commune Can Teach Us about Digital Technology. London: Verso, 2019. P. 115.

63 А также, разумеется, что нельзя недооценивать асимметричные военные возможности. Анархисты и революционеры и дальше вдохновлялись Коммуной, например в постреволюционной Мексике.

времена Второй империи гражданское общество в других французских городах начало организовываться против парижской модели, утверждая, что традиционные городские формы — узкие и извилистые улицы — составляют важную часть их идентичности⁶⁴. В последующие десятилетия «османизация» служила различным целям по всему миру, вызывая при этом сопротивление. В других странах современной Европы ее масштабы и основные принципы начали вдохновлять или, по крайней мере, влиять на целый ряд амбициозных планов.

<...>

Историки науки отмечают в конце XIX века сдвиг — научный прогресс больше не сводился к простому накоплению знаний, а предполагал реорганизацию знаний в новые дисциплины. Можно представить себе аналогичное изменение в городском планировании. Независимо от того, сосредоточивались ли они на расширении в открытые пространства или на сносе и перестройке, планы имели целью изменить существующий городской уклад. Два современника реформ Османа предложили конкурирующие концепции, которые также оказали огромное влияние на трансатлантическую урбанизацию. Это были Ильдефонс Серда и Фредерик Ло Олмстед. Подобно Осману и Наполеону III, они стремились учесть взаимосвязь между ростом городов и социально-экономическими изменениями. Однако и Серда, и Олмстед представляли себе городское планирование как средство построения более эгалитарного будущего.

Восходящие буржуазные элиты Барселоны были настроены на перестройку по образцу французской столицы. Средиземноморский центр быстро рос и накапливал богатство за счет обрабатывающей промышленности, особенно текстильной. Численность его населения выросла с примерно 115 000 человек в 1802 году до 187 000 в 1850-м. Как и в Вене, место, где находились устаревшие городские укрепления, стало доступно для застройки. На конкурсе в 1859 году муниципалитет избрал радиальный план, но испанское правительство оставило за собой право настоять на альтернативном варианте, разработанном инженером Ильдефонсом Серда, — он сотрудничал с национальными властями при проведении топографической съемки города. Его план был утвержден в 1860 году⁶⁵. Барселонский район Эшампле (что на каталонском языке означает «расширение») был построен по регулярной ортогональной сетке с квадратными кварталами, срезанными под углом. Эти скошенные углы позволяли транспорту легче поворачивать, а также загружаться и разгружаться, не создавая пробок⁶⁶. Но дело было не только в облегчении мобильности. Эта ставшая культовой планировка также создала пространство на углах улиц для общественной жизни, включая услуги и коммерческие объекты — места для продажи еды, чистки обуви, киоски или скамейки. Видение Серда заключалось не только в стремительном движении навстречу современному будущему. Речь шла также о формировании в современном городе чувства гражданственности и принадлежности.

<...>

64 *Oliveira P. de*. Imagining an Old City in Nineteenth-Century France: Urban Renovation, Civil Society, and the Making of Vieux Lyon // *Journal of Urban History*. 2019. Vol. 45. № 1. P. 67–98.

65 Исследования были заказаны в 1854 году. План 1860 года был вариантом версии, предложенной в 1855 (см.: *Grupo 2C*. *La Barcelona de Cerdà*. Barcelona: Flor del Viento, 2009).

66 У них были предшественники в Аргентине (см.: *La razón en la ciudad: el Plan Cerdà*. Cuaderno central // *Barcelona Metropolis: Revista de información y pensamiento urbanos*. 2009. Vol. 76. P. 43, 51, 82 et passim).

Серда предложил еще одно новаторское решение привычных проблем нехватки солнечного света и вентиляции: план в общем предусматривал, чтобы две стороны каждого квадратного квартала оставались незастроенными. Это также должно было гарантировать, что в густонаселенных кварталах было бы множество multifunctional открытых участков для отдыха, в том числе для садоводства. План предусматривал разделение функций и программ. На каждый округ из двадцати кварталов должны были быть выделены площади для таких целей, как рынок, больница и школа. Четыре главные диагонали сходились на новой крупной площади. Но, как и члены комиссии на Манхэттене, Серда избегал выделять явные религиозные, коммерческие или политические центры. Он сознательно распределил очаги общественной жизни по всему городу.

Мадридские власти сочли привлекательными широкие и прямые перспективы, которые могли бы облегчить подавление беспорядков в этом каталонском городе⁶⁷. По иронии судьбы, отчасти из-за вмешательства национального правительства в муниципальные дела, Барселона в итоге получила план, характеризующийся относительным отсутствием иерархии, децентрализацией и антиавторитарным духом. Предложение, победившее в муниципальном конкурсе, напротив, демонстрировало явную приверженность сегрегации по классовому признаку, при которой жители с низким доходом вытеснялись на окраины. Многие представители высших слоев барселонского общества выступили против принятого плана. Они предпочитали в качестве модели Париж или Вашингтон. Некоторые обвиняли Серда в социализме или коммунизме⁶⁸. Под давлением со всех сторон город реализовал план лишь частично, и впоследствии он претерпел значительные изменения. В интересах строительных компаний все четыре стороны кварталов в Эшампле были застроены. Их внутренние пространства стали использоваться в частных целях, в том числе для строительства закрытых торговых центров или парковок. А по мере того как состоятельные жители переезжали из старого центра в новые постройки, особенно вокруг Пасео-де-Грасиа, вновь утверждалось социальное расслоение.

Тем не менее этот план был новаторским в попытках решить то, что современники называли «социальным вопросом», посредством эгалитарного видения будущего городов. Интеллектуальное наследие и политические устремления Серда сближали его скорее с Парижской коммуной, чем со Второй империей. С одной стороны, он, как и Наполеон III, проникательно понимал, что новые формы транспорта и урбанизации влияют на преобразование городов в современном мире. С другой стороны, их взгляды расходились как в целях, так и в методах. Сам термин «*урбанизация*» часто приписывается Серда. В его теориях акцент переносится на город как часть процесса, а не объект. Они подчеркивают, что урбанизация выходит за пределы города и что городскую среду следует рассматривать с точки зрения развивающихся сил, а не как статическое отражение неких идеалов. Вследствие этого городское планирование не может ограничиваться зданиями, бюджетами и амбициями власти имущих.

<...>

67 *Bohigas O.* En el centenario del Plan Cerdá // Cuadernos de Arquitectura. 1958. № 34. P. 7–13.

68 *Cirici-Pellicer A.* Significación del Plan Cerdá // Cuadernos de Arquitectura. 1959. Vol. 35. P. 45–47.

Парижская модель нашла свои ранние отголоски в Соединенных Штатах, в Нью-Йорке и в других городах. К середине XIX века Бостон утвердился в качестве ключевого порта, промышленного центра и железнодорожного узла с глобальными связями. Десятки тысяч иммигрантов, большинство из которых спаслось от ирландского голода, прибыли в город в период с 1845 по 1855 год. В 1859 году штат предоставил перенаселенному городу право на искусственное освоение земель в прибрежной зоне Бэк-Бэй. Паровые и стальные технологии для перемещения песка и гравия позволили создать район площадью примерно 200 акров⁶⁹. Чтобы представить масштаб, укажем, что эта площадь была сопоставима с площадью района Эшампле, построенного в первые два десятилетия реализации плана Серда⁷⁰. Новый Бэк-Бэй, изобилующий отголосками османовской архитектуры (и викторианского стиля), имел сетчатую планировку с бульварами, вдоль которых тянулись ряды высоких домов из коричневого песчаника для представителей высших слоев общества. Этот район примыкал к лабиринтообразному историческому центру и органично вписывался в него. Со временем такой более евроцентричный подход к планированию оказался менее распространенным в Соединенных Штатах, чем в Латинской Америке.

В Северной Америке Фредерик Лоу Олмстед выделяется среди всех других градостроителей XIX века. Его карьера охватила два основных течения, характерных для Соединенных Штатов. Он работал как над созданием больших городских парков, так и над планированием пригородов. Алекс Кригер вписал «романтику пригорода» в историю американского утопического городского идеализма. Он цитирует Олмстеда, который в 1869 году описывал пригороды как «лучшее применение искусств цивилизации, которого человечество до сих пор достигло»⁷¹. Конечно, существовала давняя традиция, когда богатые люди жили в виллах за пределами городов, а пригороды оставались трущобами. Но для поколения Олмстеда спланированные пригороды стали решением проблем современных городов с высокой плотностью населения, включая перегруженность, загрязнение и болезни. Они стали особенно распространены в промышленных городах Англии и в Соединенных Штатах. В 1860-х годах Олмстед работал над, пожалуй, самым ранним подобным проектом в стране — Риверсайдом, расположенным примерно в 9 милях от центра Чикаго. Вместо сетчатой планировки его пригород имел извилистую планировку.

Пригород XIX века, возможно, был утопическим и даже эгалитарным для тех, кто в нем жил, но он также был эксклюзивным. В отличие от образцовых сообществ социалистических радикалов, эти частные районы практически не испытывали сложностей по поводу того, что оставляли более бедных горожан в переполненных центральных районах. Уже тогда география социального расслоения в Соединенных Штатах начала отходить от более распространенных трансатлантических моделей, в которых богатые центры соседствовали

69 Newman W.A., Holton W.E. Boston's Back Bay: The Story of America's Greatest Nineteenth-Century Landfill Project. Lebanon: University Press of New England, 2006.

70 В случае Барселоны около 250 акров (см.: Aibar E., Bijer W.E. Constructing a City: The Cerdà Plan for the Extension Barcelona // Science, Technology, and Human Values. 1997. Vol. 22 № 1. P. 2–30).

71 Krieger A. City on a Hill: Urban Idealism in America from the Puritans to the Present. Cambridge: Harvard University Press, 2019. P. 110.

с бедными перифериями. Мы можем интерпретировать это в свете джефферсоновского антиурбанистического мировоззрения, у которого было много последователей. Выражение того времени иллюстрировала то, что стало известно как «явное предначертание»: «Иди на Запад, молодой человек, иди на Запад и расти вместе со страной». Эти слова обычно приписывают журналисту и политику Хорасу Грили, который восхвалял фермерскую жизнь и утверждал, что «Вашингтон — не самое приятное место для жизни» из-за «ужасающих» нравов, высокой арендной платы, плохой еды и «отвратительной» пыли⁷². Мечта совершить побег из города была связана с аграрными и колониальными представлениями, по преимуществу остававшимися уделом белых мужчин. Субурбанизация опиралась на эти представления, но при планировании пригородов также учитывалось, что сами города никуда не денутся. Большинство планов развития на окраинах городов исходило из того, что жители будут ежедневно добираться до городских центров. Будь то в городе или за городом, планирование зависело от современного отношения ко времени и пространству как категориям, установленным правами собственности. Земля, ставшая доступной в результате колонизации, лежала в основе идеи о том, что будущее страны состоит в продвижении на Запад — или в переезде в просторные пригороды за пределами уже сформировавшегося городского центра. Это становилось все более реальной перспективой благодаря расширению железнодорожной сети до Тихого океана и росту числа трамвайных линий⁷³. Пригороды могли имитировать близость к природе, но в них не было места для дикой природы. Между тем поезда выступали в качестве движущей силы урбанизации и разрушения окружающей среды в непредвиденных масштабах⁷⁴. Романтика пригородов стала ответом и на эти сложным образом связанные условия.

Стремление к «одомашненной» природе проявилось в субурбанизации и в создании крупных городских парков. Олмстед сыграл огромную роль в обоих этих процессах. Неслучайно он стал более известен как ландшафтный архитектор, чем как градостроитель. Некоторые даже считают его визионером экологии⁷⁵. Для Бостона Олмстед разработал, пожалуй, свой самый амбициозный проект, приступив к его реализации в 1870-х годах. Система парков «Изумрудное ожерелье» в настоящее время занимает более 1000 акров вокруг города, соединяя зеленые зоны и водные пути. Однако его знаковым достижением стал нью-йоркский Центральный парк, созданный в сотрудничестве с его давним сотрудником Калвертом Воксом. После как минимум десятилетия лоббирования со стороны влиятельных горожан законодательный орган штата одоб-

72 Грили продолжил свою мысль на страницах «Нью-Йорк Трибьюн» (13 декабря 1867 года): «Однако на ферме на Западе <...> разочарованные молодые люди могли бы не только делать деньги и достойно жить, но и приносить кое-какую пользу стране». Однако он, похоже, не был автором знаменитой фразы (см.: Fuller T. Go West, Young Man — an Elusive Slogan // Indiana Magazine of History. 2004. Vol. 9. P. 231–243).

73 В работе «Фронтир пырейника» Джексон подробно рассматривает материальные и идеологические факторы, стоявшие за развитием пригородов, в том числе федеральные субсидии (Jackson K.T. Crabgrass Frontier: The Suburbanization of the United States. Oxford: Oxford University Press, 1985).

74 Всего через несколько десятилетий многочисленные странствующие голуби полностью исчезли, а бизоны оказались на грани вымирания.

75 Fein A. Frederick Law Olmsted and the American Environmental Tradition. New York: George Braziller, 1972.

рил проект в 1853 году — в том же году, когда Османа назначили префектом. В Нью-Йорке этот процесс требовал провести конкурс проектов, который Олмстед и Вокс выиграли в 1858 году, в результате чего в самом центре Манхэттена появился парк площадью более 800 акров. Их проект выделялся среди других тем, что предусматривал четкое отделение от существующей городской структуры за счет ограждений и дорог, проложенных ниже уровня земли.

Новое пространство изменило «План коммиссионеров», поскольку рост города превосходил ожидания. К моменту завершения строительства Центрального парка в 1876 году население Манхэттена, вероятно, достигло 1 миллиона человек, что примерно в десять раз больше, чем на момент утверждения сетчатой планировки. Только в 1870-х годах больше людей стало жить к северу от 14-й улицы, чем к югу от нее. Даже тогда около 40 000 участков оставались доступными для застройки⁷⁶. Само название «Центральный парк» предполагало будущий рост, ведь, с точки зрения большинства жителей, парк находился на окраине города. Это место стало бы *центральным* только после того, как застройка северной части города по запланированной сетке завершится. В 1850-х годах географическая центральность зависела от взгляда на остров в целом — иными словами, с высоты птичьего полета.

Как и его европейские коллеги, Олмстед мог предвидеть, что градостроительство должно учитывать неуклонные преобразования с прицелом на долгосрочную перспективу. Однако слово «будущее» гораздо чаще встречается в качестве ключевого слова в его трудах, чем в работах Османа или Серда. Он часто апеллировал к мнению потомков. В 1858 году Олмстед обосновал свой масштабный проект перед Советом управляющих Центрального парка: «Я буду неуклонно ориентироваться на далекое будущее, ибо только тогда станет полностью ясно, насколько я его достоин»⁷⁷. Этот риторический прием демонстрировал то, что Даниэль Розенберг называет «пролептическим воображением христианского пророчества». Историк полагает, что типичное пролептическое утверждение звучит так: «в конце это обретет смысл»⁷⁸. Версия проектировщика имела светский оттенок: «это обретет смысл, как только будущие поколения это увидят».

<...>

Мы могли бы утверждать, что акцент, который делается в США на дискурсах будущего, в том числе у Олмстеда, служил, чтобы отвлечь внимание от менее красивой реальности, такой как насильственный колониализм поселенцев в ходе западной экспансии. Тем не менее отрицание прошлого и настоящего могло сосуществовать и с развивающимися демократическими устремлениями.

Гражданская война в США расширила границы свободы. В более скромном плане нью-йоркский Центральный парк создал пространство, где различные горожане могли обрести чувство принадлежности. Мы можем вернуться к тому же набору выпусков за 1853 год «Putnam's Monthly» — туда, где спустя

76 Koeppel G. City on a Grid: How New York Became New York. Boston: Da Capo Press, 2015. P. 124.

77 The Papers of Frederick Law Olmsted: Creating Central Park, 1857–1861 / Ed. by C.E. Beveridge, D. Schuyler. Vol. III. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1983. P. 192.

78 Rosenberg D. An Eighteenth-Century Time Machine: The «Encyclopedia» of Denis Diderot // Historical Reflections / Réflexions Historiques. 1999. Vol. 25. № 2. P. 248. Напротив, Дидро и Даламберу он приписывает «открытое и активистское восприятие человеческого будущего» (Ibid. P. 249).

несколько месяцев Олмстед начал работать в качестве редактора, а затем и издателя. В одной статье рассказывалась история встречи с немецким эмигрантом на корабле, плывущем в Европу. По словам автора, этот человек приобрел ферму в Соединенных Штатах и сколотил небольшое состояние после того, как рядом с ней началось строительство железной дороги и цены на недвижимость резко взлетели. Эмигрант возвращался, чтобы убедить других жителей своей родной деревни присоединиться к нему в Америке. Там, по его словам, они могли обрести свободу, тогда как в Старом Свете условия были «не лучше, чем у раба»⁷⁹. В этой истории сходятся многие трансатлантические темы: превращение земли в товар, железные дороги, пароходы, диаспоры из сельской Европы и, конечно же, нью-йоркское издание. Как следует из этой истории, в стране возможностей бум на рынке недвижимости породил не только Астора. Действительно, владельцы недвижимости в Сенека-Виллидж также получили прибыль по мере роста цен на недвижимость. Социально-экономическая мобильность была доступна способным или удачливым приезжим. Для городских читателей того времени это был впечатляющий рассказ.

Если возможности обрести свободу в Соединенных Штатах становились все более гибкими, то это во многом было связано с условиями, созданными миграцией и урбанизацией. Со временем представительная демократия обеспечила каналы для некоторых социальных изменений. Благодаря расширению избирательного права выборы позволяли представителям различных интересов поочередно быть у власти, а порой и допускали приход к власти маргинализированных групп. В качестве примера можно вспомнить, например, о росте влияния ирландцев в муниципальной политике Бостона и Нью-Йорка. Олмстед, который заявлял, что города привлекают женщин больше, чем мужчин, представлял себе парки как места, где можно было бы приятно проводить время независимо от гендера, класса или этнического происхождения⁸⁰. Однако в Центральном парке не работало ни одного афроамериканца или женщины⁸¹. После победы Союза и отмены рабства само государство (*nation*) двинулось навстречу обещанному расширению прав. <...> Немец, цитируемый в журнале «Putnam's Monthly», желал своим соотечественникам избавиться от рабских условий жизни в стране возможностей. Цвет их кожи играл в этом неопределимую роль. Раса определяла возможности свободы и городские будущие. Америка не была страной равных возможностей.

IV. Незапланированные жизни после смерти

Осман, Серда и Олмстед подходили к соотношению разрыва и преемственности с разными целями. Османовский Париж должен был закрепить городскую форму на будущее, определяемое изменчивостью (*flux*): реформы должны были придать определенную форму современному городу, движимому циркуляцией человеческих тел, товаров и капитала. План Серды соотносил сельскую

79 Putnam's Monthly. 1853. Vol. 2. № 10. P. 347–348.

80 Frederick Law Olmsted: Essential Texts / Ed. by Robert Twombly. New York: W.W. Norton, 2010. P. 208.

81 Rosenzweig R., Blackmar E. The Park and the People: A History of Central Park. Ithaca: Cornell University Press, 1992. P. 173–175.

местность и густонаселенный город. Включая сады в кварталы смешанного назначения, он стремился «озеленить город и урбанизировать сельскую местность»⁸². В его концепции Барселона застроенная территория осталась бы неизменной, тогда как зеленые зоны были бы гибкими и открытыми для изменений. Олмстед придерживался противоположного подхода. Хотя его парки задумывались как динамичные социальные пространства, их ландшафтные формы оставались неизменными, в то время как город головокружительными темпами рос вокруг них. Среди хаоса бурно развивающегося Нью-Йорка городские жители могли найти утешение в парке.

Градостроители не могли предвидеть масштабные инфраструктурные обновления, которые понадобятся в последующие десятилетия. Представления о будущем городов середины XIX века в значительной степени основывались на недооценке повсеместного использования электричества, в том числе в связи с быстрым ростом трамвайного движения после 1870-х годов. Париж, Барселона и Нью-Йорк сумели адаптироваться, сохранив при этом отпечаток конкурирующих концепций, которые мы описали. Это необязательно говорит в пользу новаторских урбанистов. В начале XX века все три города вложили значительные средства в развитие метрополитена. Альтернативные виды подземного транспорта позволили их городской инфраструктуре XIX века лучше выдержать натиск автомобилей, чем во многих других городах.

<...>

Люди не всегда могли принимать такие пространства за нечто само собой разумеющееся. Еще в 1909 году «Нью-Йорк Таймс» напоминала читателям о том, что будущее Центрального парка не было гарантировано. Учитывая стоимость этой земли, ее необходимо было защитить от «вторжения» застройщиков⁸³. Одна сатирическая публикация 2000 года изображала будущий Центральный парк, изуродованный приватизацией, с закрытыми детскими площадками, заборами, препятствующими свободному передвижению, и спрятанными за забором газонами⁸⁴.

Видение Османа, пожалуй, оказалось самым долговечным из всех трех. В 1970 году исследование установило, что 60 процентов зданий в Париже было построено в период реформ⁸⁵. Оно также вызывает наибольшие разногласия. Фактически, вероятно, ни одна другая тема в истории городов не привлекала столько внимания и не вызывала столь ожесточенных дискуссий. В Париже Осман до сих пор воспринимается как герой для правых и злодей для левых⁸⁶. Реконструкция Парижа стала своего рода тестом Роршаха для ученых, градостроителей и политиков. <...> Это отражено в формулировке Льюиса Мамфорда о том, что планирование перешло от «порядка <как> инструмента

82 Это популярный лозунг в испанской градостроительной литературе, приписываемый Седра.

83 The Future of Central Park // New York Times. 1909. April 12. P. 6.

84 Sternlight J., Sherman C. Future Shock in Central Park // New York Times. 2000. February 6. P. 17.

85 Jordan D.P. Transforming Paris... P. 358.

86 «Рачида Дати, член правой Республиканской партии, которая участвовала в выборах мэра Парижа в 2014 и 2020 годах, заметила: «Нам нужна хорошая архитектурная интеграция новых зданий, как в эпоху Османа»» (цит. по: Freemark Y., Bliss A, Vale L.J. Housing Haussmann's Paris: The Politics and Legacy of Second Empire Redevelopment // Planning Perspectives. 2022. Vol. 37. № 2. P. 311).

жизни» к более властной идее «жизни как “инструмента порядка”»⁸⁷. Таким образом, современный Париж воплощал в себе поворот и к секулярности, и к силовым мерам, являясь выражением центральной власти в сильном национальном государстве. Один историк предположил, что эти реформы ознаменовали пик «государственного контроля над архитектурой и градостроительством», не имевший себе равных ни до, ни после⁸⁸. После пребывания Османа у власти и Парижской коммуны город стал ареной «крупнейшего строительного бума столетия»⁸⁹. Этот процесс, зачастую не скоординированный, усилил влияние частных застройщиков.

Даже несмотря на критику методов проведения реформы, на протяжении десятилетий большинство высоко оценивало ее результаты. Многие отмечали успешную и масштабную модернизацию столицы, которая раньше была грязной, перенаселенной и нездоровой⁹⁰. Примерно после 1960-х годов возобладал критический тон. Ученые и комментаторы критикуют реформы за то, что они разделили город, вытеснив бедных на окраины. Некоторые более поздние исследования развивают эту критику, в то время как другие ставят под сомнение идею, будто сегрегация ранее не существовала или была преднамеренной⁹¹. Роли Наполеона III и Османа также постоянно подвергаются пересмотру. Применяя подход марксистской экономической географии, Дэвид Харви утверждал, что инвестиции в инфраструктуру и недвижимость давали возможность избыточному капиталу найти новые источники накопления⁹². Вместо государственной власти эта точка зрения выдвигает на первый план консолидацию частной собственности, финансовую спекуляцию и концентрацию богатства.

Ряд историков подчеркивает, насколько тяжелыми оставались условия жизни для жителей с низким уровнем доходов⁹³. С точки зрения некоторых, это и было задумано с самого начала — вытеснить рабочий класс из центра,

-
- 87 Mumford L. *The City in History: Its Origins, Its Transformations, and Its Prospects*. New York: Harcourt, 1961. P. 349
- 88 Van Zanten D. *Building Paris: Architectural Institutions and the Transformation of the French Capital, 1830–1870*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 46. Пакку в статье «Планирование закона, власти и практики» недавно представил дополнительные примеры бюрократических конфликтов и противоречивых приоритетов среди разных акторов, представляющих правительство (Paccoud A. *Planning Law, Power, and Practice* // *Planning Perspectives*. 2015. Vol. 31. № 3. P. 341–361).
- 89 Yates A. *Selling Paris: Property and Commercial Culture in the Fin-de-siècle Capital*. Cambridge: Harvard University Press, 2015. P. 4.
- 90 Например, современник Горас Сэй отметил более значительное распространение холеры в дореформенном Париже. В двадцатом веке можно отметить Зигфрида Гидиона (1941), Дэвида Пинкни (1957) и Жанну Гаяр (1997). См.: *Freemark Y., Bliss A., Vale L.J. Housing Haussmann's Paris...* P. 1–25.
- 91 См.: *Meyer E. da C. Dividing Paris...*; ср.: *Freemark Y., Bliss A., Vale L.J. Housing Haussmann's Paris...* Последняя работа показывает, «что проекты часто конструировались на пустом месте или таким образом, чтобы подтвердить ранее существовавшее демографическое распределение».
- 92 Harvey D. 1) *Limits to Capital*. Chicago: University of Chicago Press, 1982; 2) *Paris, Capital of Modernity...* Применения критического подхода Харви к современным условиям часто подразумевают недооценку власти, которую домовладельцы 20-го века получили по сравнению со строительными компаниями. Напротив, Йейтс отмечает, что в конце 1900-х годов в Париже «менее двух процентов жильцов были домовладельцами, жившими в собственных домах» (Yates A. *Selling Paris...* P. 18).
- 93 См., напр.: *Sutcliffe A. The Autumn of Central Paris*. London: Arnold, 1971.

чтобы освободить место для буржуазных версий будущего⁹⁴. Другие допускают более благожелательную интерпретацию, пусть действия в интересах рабочих и выступали, по их мнению, в качестве профилактических мер против социалистических угроз⁹⁵. Основанный на эмпирических данных пространственный анализ, проведенный группой исследователей, подтвердил большинство основных научных интерпретаций: да, имело место массовое вытеснение, но «демографические тенденции свидетельствуют о наличии инвестиций как в богатые, так и в бедные районы, как в застроенных, так и на зеленых участках»⁹⁶. Несмотря на предвзятое отношение, представители рабочего класса также переселялись в дома, построенные в стиле Османа⁹⁷.

<...>

Совсем недавно градостроители вернулись к этому историческому периоду в поисках стратегий по проектированию более устойчивых решений или для столь же амбициозных подходов к решению таких проблем, как нехватка жилья⁹⁸. Писатели и художники в целом рассматривали урбанизацию во время Второй империи во Франции как переломный момент. Зигфрид Гидион писал в 1940-х годах, что «в XIX веке пути науки и искусства разошлись: связь между способами мышления и способами чувствования была разорвана»⁹⁹. Однако люди не всегда относились к городским преобразованиям, как подопытные кролики в научных экспериментах. Они, конечно, замечали, когда строились или сносились здания, когда разражались войны или эпидемии, а инфраструктура или санитарные условия улучшались. Некоторые, возможно, чувствовали себя пешками на шахматной доске недвижимости или геополитики. Общее представление о том, что будущее будет лучше, пронизывало парижскую культуру. Популярный роман Виктора Гюго «Отверженные» (1862) предлагал читателям представить себе «<у>лицы городов, затопленные светом, <...> братство народов! <...> не будет и самих происшествий». На пути прогресса, ведущего к концу истории, «<д>евятнадцатый век велик, но двадцатый будет счастливым веком»¹⁰⁰.

Однако некоторые художники и интеллектуалы проявляли все более негативные настроения по отношению к изобретению будущего, а порой относились к нему откровенно враждебно. Романтические вызовы разуму и науке также представляют собою ответвление современной образованной культуры. Богемный образ жизни опроверг ожидания городской цивилизации, воплотив в себе дух странствий — по крайней мере, в сфере чувства. Уже книга Анри Мюрже «Сцены из жизни богемы» (1851) посвящена тем, кто «внезапно поворачивается спиной к полному почестей будущему, чтобы предаться существо-

94 См., напр.: Merrifield A. The New Urban Question. London: Pluto Press, 2014.

95 См.: Shapiro A.-L. Housing the Poor of Paris...

96 Freemark Y., Bliss A, Vale L.J. Housing Haussmann's Paris... P. 11.

97 Ibid. P. 11, 15.

98 Можно привести в пример Альдо Росси в 1970-е годы или творчество Француа Луайе.

99 Giedion S. Space, Time, and Architecture: The Growth of a New Tradition. Cambridge: Harvard University Press, 1941. P. 215.

100 (Гюго В. Отверженные / Пер. В.М. Вахтеровой // Гюго В. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 7. М.: Правда, 1972. С. 27.) Сюжет разворачивается между 1815 годом и восстаниями июня 1832 года, хотя книга полна отступлений, касающихся других периодов. Собственный опыт Гюго на баррикадах 1848 года послужил одним из источников.

ванию, полному приключений, основанных на риске (*hasard*. — Примеч. автора)¹⁰¹. *Hasard*, представлявший угрозу у Мерсье и риск в Париже Бальзака, теперь приобрел непреодолимое очарование. В городе расцвела культура кабака и бесчисленных эксцентричных художественных течений. И многие горожане отвергали порядок и дисциплину урбанистического планирования, не принимая политическую революцию.

В романе 1863 года Жюль Верн предсказал, что французская столица будет совсем не такой, как ожидали его современники. Его «Париж в XX веке» оставался неопубликованным, пока его правнук не обнаружил рукопись в 1989 году. Действие романа происходит в 1960-х годах; в нем представлен город, радикально изменившийся под влиянием научно-технических новшеств и с совершенно иным культурным ландшафтом. <...>

Будущее, изображенное Верном, во многих отношениях казалось реакцией на настоящее. Париж управлялся деспотичным правительством, действующим в сговоре со строительными корпорациями. Некий барон принимает важные решения, а некий Наполеон правит. На острове Сите, очищенном от жителей, были расположены государственные здания. Бедные люди, «не желающие жить далеко от центра города», снимали квартиры на верхних этажах новых зданий, воспроизводя форму вертикальной сегрегации, типичную для того периода (в домах в стиле Османа на верхнем этаже жили слуги)¹⁰². Недавно построенный фонтан Сен-Мишель называют «уродливым»¹⁰³. Широкие бульвары освещены фонарями. Железные дороги опоясывают город и связывают воедино обширный столичный регион. Франция колонизировала «Кохинхину», Вьетнам.

Верн, как и дальновидные градостроители своего поколения, понимал, что современные научно-технические революции создадут новые миры. <...>

Проза Верна по сути своей антиутопична. Подобно Мерсье в XVIII веке, он использовал будущее как прием, чтобы выразить сожаление о культурных изменениях настоящего и выступить в защиту довольно консервативных эстетических норм. Когда персонажи говорят о возможности того, что «против Прогресса будет совершена революция», ставки носят скорее художественный, чем политический характер¹⁰⁴.

В будущем Верна общество, одержимое производительностью, не способно наслаждаться искусством и становится безнадежно «проклятым»¹⁰⁵. Роман, неожиданно для Верна, заканчивается трагически. Мишель уходит из-под опеки своего дяди. Оставшись без работы и денег, он теряет и мечты стать поэтом и найти любовь. Последние слова молодого человека <...> указывают на город как на источник несбывшихся обещаний: «О, Париж!», «О, Люси!». Разочарование в Париже явно связано с собственными тревогами автора по поводу модерности и капитализма в эпоху, когда «османизация» набирала обороты. В отличие от Мерсье, Гарнье и многих утопистов, Верн прозорливо предвидел, что культурные ценности не останутся в стороне от всеобщего преобразования.

101 *Murger H. Scènes de la vie de bohème*. Paris: M. Levy, 1851. P. xi.

102 *Verne J. Paris in the Twentieth Century: The Lost Novel* / Trans. by Richard Howard. New York: Del Rey, 1997. P. 73.

103 *Ibid.* P. 204.

104 *Ibid.* P. 119.

105 *Ibid.* P. 211.

Но он был слишком пессимистичен в отношении последствий. Музыка, искусство и поэзия пошли по путям, невообразимым для Верна, и пережили обновление, зачастую противоречащее версиям будущего, навязанным сверху.

В то же время Верн обладал интуицией, которой не хватало дальновидным урбанистам его поколения. Он предвидел, как будущие технологии и вкусы вновь изменят облик городской среды. «Париж в XX веке» предполагал, что в течение столетия окончательный облик современного Парижа эпохи Второй империи в значительной степени преобразится. Как оказалось, Верн ошибался насчет Парижа 1960-х годов и более позднего времени. Но он оказался прав в отношении многих других городов современного мира. Преобразованные по образцу Парижа эпохи Османа, они переживут еще один цикл сноса и перестройки в XX веке. Вихрь урбанизма только начинался.

Перевод с английского К. Зубкова